

Скребнев Владимир Александрович

РАБСЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена анализу основных групп движения рабоче-крестьянских корреспондентов Тамбовской губернии 1920-х гг. На основе архивных материалов автор дает характеристику социального, партийного, половозрастного состава участников движения. В статье делается вывод, что социальный состав рабселькоровского движения в целом являлся тождественным его социальной базе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 182-184. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу основных групп движения рабоче-крестьянских корреспондентов Тамбовской губернии 1920-х гг. На основе архивных материалов автор дает характеристику социального, партийного, половозрастного состава участников движения. В статье делается вывод, что социальный состав рабселькорского движения в целом являлся тождественным его социальной базе.

Ключевые слова и фразы: партийно-советская печать; рабселькорское движение; социальный состав; съезд; Тамбовская губерния.

Скребнев Владимир Александрович, к.и.н., доцент
Тамбовский государственный технический университет
vofka-s@yandex.ru

**РАБСЕЛЬКОРОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА[©]**

Первые годы советской власти стали периодом становления и развития массового движения рабочих и крестьянских корреспондентов, получивших обобщенное название «рабселькоры». Этот термин должен был, прежде всего, отражать социальный состав «добровольных помощников» партийно-советской прессы, которая требовала надежных и преданных кадров.

До первой половины 1920-х гг. главное внимание партии и органов печати уделялось укреплению руководящего состава редакций газет и журналов, но уже к 1926 г., когда должности редакторов и секретарей редакций были в основном укомплектованы, на повестку дня была поставлена другая задача – изучить и улучшить состав рядовых сотрудников, особенно корреспондентов. При этом партийное руководство неоднократно обращало внимание органов прессы на необходимость более тщательного отбора корреспондентов и их проверки под углом зрения социальной целесообразности.

В Тамбовской губернии в этот период шел бурный рост количества рабселькоров. Если к августу 1925 г. на Тамбовщине насчитывалось 790 селькоров и 170 рабкоров [1, д. 2901, л. 29], то уже к началу 1926 г. произошло увеличение численности корреспондентов. Так, для редакции губернской газеты «Тамбовская правда» писали 150 рабкоров и 230 селькоров [Там же, д. 2900, л. 8]. В губернскую крестьянскую газету «Тамбовский крестьянин» к февралю 1926 г. присылали свои заметки 470 сельских корреспондентов. При редакции борисоглебской уездной газеты «Голос пахаря» состояло 236 постоянных селькоров [Там же, л. 9]. У газеты «Наша правда» (г. Козлов) на конец 1925 г. было до 250 селькоров и 30 рабкоров [Там же]. Моршанская уездная газета «Красный звон» всего имела до 300 сельских корреспондентов, хотя постоянно сотрудничали в ней только половина (128 человек) [Там же, л. 9 об.].

Усложнилась к этому времени и массовая политико-воспитательная работа органов ВКП(б) и подконтрольной им печати среди рабселькоров. Об этом можно судить хотя бы по одному только перечню тех мероприятий, которые проводились газетами: смотры, конкурсы, показательные суды, выезды редакций с рабселькорами на места, выпуски специальных корреспондентских журналов и т.д. [3, с. 81].

Особое место в массово-воспитательной работе занимали съезды-совещания рабселькоров, которые признавались «наивысшей формой согласования» их работы [5, с. 15]. После нескольких уездных съездов рабселькоров (по два – в Борисоглебском и Козловском и по одному – в Моршанском и Кирсановском уездах), проведенных в 1925 г., в конце февраля – начале марта 1926 г. был проведен и I губернский съезд рабочих и крестьянских корреспондентов.

Анкеты, которые организаторы съезда разослали тогда его участникам, должны были отразить социальные характеристики всей рабселькорской массы губернии.

По сведениям мандатной комиссии всего на съезд явилось 128 «постоянных корреспондентов» – делегатов (т.е. около 10% всех рабселькоров губернии). Все учтенные делегаты были разделены по роду своей деятельности на 5 групп. Первую (в количестве 67 человек) составили сельские корреспонденты; вторую (41 человек) – рабкоры; третью (10 участников) – парткоры и военкоры; четвертую (6 человек) – юнкоры и, наконец, пятую (4 делегата) – представители редакций газет [2, д. 37, л. 2].

Наиболее любопытные данные были получены по социальному составу рабоче-крестьянских корреспондентов. Из 83 человек, учтенных по социальному положению, на долю рабочих приходилось только 16 человек, или 19,3%. Крестьян насчитывалось 55 корреспондентов (66,3%). Процент служащих составлял 6,02%, или 5 человек. На долю всех остальных (батраки, кустари) приходилось 8,4%, или 7 человек [Там же, л. 2-92].

Таким образом, почти половина всей сети добровольных корреспондентов характеризовалась крестьянским составом. В губернии с абсолютным большинством крестьянского населения [1, д. 2901, л. 26] вовлечение его в деятельность печати – это прямое претворение в жизнь резолюции XV губпартконференции, в которой говорилось: «увеличить число корреспондентов уездных и губернской газеты из... крестьян» [4, с. 137].

Точно так же положительным для власти образом можно оценивать вовлечение служащих в работу периодической печати в качестве ее корреспондентов. Деятельность прессы в деле социалистического строительства не могла быть успешной без привлечения к контролю, проверке, самокритике работников учреждений, учителей, агрономов, научных деятелей и т.д. Если даже взять поправочный коэффициент на неполноту учета, то и в этом случае показатели для власти оставались вполне удовлетворительными.

Распределение двух основных корреспондентских групп по социальным секторам обнаружило для власти в высшей степени любопытную картину. Наиболее «чистой» в социальном отношении оказывалась группа селькоров, которая на 84,6% заполнялась крестьянами. Группа рабочих среди селькоров была крайне незначительна (1,9%) [2, д. 37, л. 2].

Среди рабкоров лиц пролетарского происхождения насчитывалось около 49%. Это может означать, что основным источником информации, которая шла в печать из промышленных центров, являлась рабочая корреспонденция в подлинном смысле этого слова. Однако необходимо подчеркнуть, что процент служащих среди рабкоров был довольно высок (12,9%) и на порядок превышал процент служащих среди селькоров (1,9%) [Там же]. Этого сопоставления достаточно, чтобы признать, что удельный вес рабочих среди рабкоров требовал со стороны властей серьезной корректировки.

При этом попытка определить классовую принадлежность участников местного рабселькоровского движения зачастую давала чрезвычайно запутанные и неопределенные результаты: «Социальное происхождение /кто твои родители: крестьяне, рабочие, служащие и прочее/». «Бедняк. Отец был сельским учителем. По происхождению отец и мать крестьяне», или «Крестьянин – бедняк и родители крестьяне, служащие» [Там же, л. 24, 67].

Из всех делегатов съезда 88 человек были учтены по признаку партийной принадлежности. Из них доля членов ВКП(б) и ВЛКСМ составляла 60,2% (53 человека), беспартийных – 35 рабселькоров, или 39,8% [Там же, л. 2-92]. При этом если среди селькоров коммунистическая прослойка росла за счет комсомольцев (40,4%), то среди рабкоров выше был удельный вес партийцев (48,4%) [Там же, л. 2]. В этих цифрах отразилась общая тенденция усиления коммунистического ядра.

Существование довольно значительной беспартийной части корреспондентов – явление довольно закономерное. Ничто так не подчеркивало массового характера движения в условиях того времени, как тот факт, что в его русло было втянуто именно беспартийное население.

Кроме того, из 128 делегатов съезда 108 человек были учтены по полу. Распределение корреспондентов по полу характеризовалось следующими цифрами: огромное преобладание мужского состава над женским (соответственно 94,5% и 5,5%) [Там же, л. 2-92]. Это явление, безусловно, означало, что рабселькоровское движение не сумело втянуть в свое русло сколько-нибудь значительное количество женщин. А между тем, являясь продуктом развития первых лет советской власти, рабселькоровское движение должно было отразить в своем составе ту огромную работу по социальной и духовной эмансипации женской части населения губернии, которую проводили органы власти после революции.

Закономерность явления здесь обнаруживается в том, что чем ниже культурный уровень населения, тем относительно слабее степень участия женщин в общественно-политической жизни, в частности, в рабселькоровском движении. В этом смысле процент женщин – корреспонденток может в определенной мере характеризовать уровень зрелости данного движения.

Делегаты съезда, учтенные по возрасту, были разбиты на 4 возрастные группы. Первую – от 18 до 25 лет, вторую – от 25 до 35 лет, третью – от 35 до 40 лет и четвертую – свыше 40 лет. Из 81 корреспондента, попавшего под эти критерии, на первую группу приходится 46,9%, на вторую группу – 42%, на третью – 7,4%, на четвертую – 3,7% [Там же]. При этом рабкоровы в первой группе дали 32,25%, во второй – 54,8%, а в третьей и в четвертой – по 6,45 %, тогда как селькоровская сеть дала прямо противоположное распределение по возрастным группам. На возраст от 18 до 25 лет из общего количества селькоров приходилось 56%, на возраст от 25 до 35 лет – 34%, от 35 до 40 – 8% и на возраст свыше 40 лет – только 2% [Там же].

Таким образом, культурная революция в деревне захватывала, прежде всего, молодежь, которая оказывалась наиболее восприимчивой к восприятию большевистских принципов, тогда как среди рабкоров наибольший удельный вес принадлежит второй возрастной группе корреспондентов.

В этих цифрах отразился тот факт, что более «отсталая» деревня обнаруживала культурный рост в первую очередь за счет молодежи, тогда как промышленность, транспорт с их более «культурным» составом давали преобладание более зрелым возрастам. Таким образом, можно говорить о том, что чем ниже культурный уровень той или иной группы рабселькоровского движения, тем относительно выше процент молодежи.

Приведенные цифры лишней раз подчеркивают, что в условиях того времени именно молодежь представляла наиболее благоприятный материал для политического и культурного воздействия, который партия стремилась превратить в могучий рычаг социалистических преобразований в стране.

В целом, исходя из приведенных данных, социальный состав рабселькоровского движения можно, на наш взгляд, рассматривать как тождественный его социальной базе.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1499. Оп. 1.
3. Периодическая печать СССР и рабселькоровское движение между XV и XVI съездами ВКП(б). М., 1930.
4. XV Тамбовская Губпартконференция: стеногр. отчет. Тамбов, 1924.

5. Резолюции II-го Всесоюзного совещания рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров при «Правде» и «Рабочем корреспонденте». Тула, 1925.
6. Скребнев В. А. Методы формирования рабселькоровского движения // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. С. 133-134.
7. Слезин А. А. Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8. № 3. С. 544-548.

WORKER AND PEASANT CORRESPONDENTS' MOVEMENT IN TAMBOV PROVINCE: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTIC

Skrebnev Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Tambov State Technical University
vofka-s@yandex.ru

The article analyses the main groups of worker and peasant correspondents' movement in Tambov province in the 1920s. On the basis of archival materials the author characterizes the social, party, sex and age structure of the movement participants, and concludes that the social structure of worker and peasant correspondents' movement was generally equal to its social base.

Key words and phrases: party-soviet press; worker and peasant correspondents' movement; social structure; congress; Tambov province.

УДК 94(47).082.1

Исторические науки и археология

В статье рассматривается использование во второй половине 1930-х гг. образа дезорганизатора стахановского движения в ряду прочих образов «врагов советского народа». Анализируются причины неприятия этого трудового почина частью интеллигенции и рабочих. Раскрывается организация репрессий против реальных критиков стахановского движения и в отношении мифических врагов. Доказывается, что образ вымышленного саботажника стахановского движения становился необходимой частью транслируемой обществу мировоззренческой картины.

Ключевые слова и фразы: стахановское движение; образ врага; сталинизм; индустриализация; рабочие; техническая интеллигенция; репрессии.

Суслов Андрей Борисович, д.и.н., доцент
Шилова Ирина Сергеевна
Пермский государственный педагогический университет
absuslov@gmail.com; shilkoprad@yandex.ru

САБОТАЖНИК СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК «ВРАГ НАРОДА»[©]

Статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, проект 006-П «Историческая память жителей Пермского края о советском прошлом», номер темы 2.1.2.

Формирование образа врага – неотъемлемая черта тоталитарного режима. Образ врага – не абсолютная абстракция. В зависимости от ситуации он приобретает вполне определенные очертания. В Советском Союзе враг мог предстать в облике буржуа, белогвардейца, кулака, шпиона и т.д. Во второй половине 1930-х гг. «враг» достаточно часто стал появляться в личине дезорганизатора стахановского движения.

Воспроизводство такого образа врага советскими идеологами и номенклатурными функционерами неслучайно. Во многом это связано с тем, что реальных противников стахановского движения оказалось довольно много. Правда, руководствовались они не мифическим желанием навредить советскому народу, а, напротив, заботой об интересах народа или о своих личных интересах. Интересы эти столкнулись с интересами политической элиты.

Идеологи большого индустриального скачка, безусловно, понимали, что в условиях чрезвычайной ограниченности ресурсов помимо администрирования и репрессий необходимо делать ставку на массовый энтузиазм. И весьма преуспели в этом. Вера значительной части советских людей в то, что они строят новую страну и счастливое будущее, их самоотверженный труд, до сих пор впечатляют потомков.

Организация стахановского движения стала удачной находкой для поощрения энтузиазма части рабочих. Проповедники коммунистического будущего возлагали на стахановское движение большие надежды, называя его революционным, поскольку оно «ломает старые взгляды на техминимумы, планы, требует новых мощностей и планов» [7, с. 6].